Впервые в жизни я вышла на улицу.

Я немного сомневалась, что это было на самом деле в первый раз. Я, наверное, много бывала на улице, но ничего не могла вспомнить, так что на самом деле я решила, что это считается поводом для празднования.

Праздновать, конечно, лучше всего в помещении. Когда я указала на это Люциане, она просто бесстрастно посмотрела на меня.

Я остановилась у дверей. На полпути нашей прогулки Люциана решила повернуть и привести нас во внутренний двор. Она прошла прямо мимо дверей и вышла на открытый воздух, в то время как я помедлила на пороге и выглянула наружу.

Это было не так уж плохо. Вокруг были стены, и… и небо было очень высоко.

— Ты идешь, дитя? Ты не научишься никакой магии, просто дрожа, как кролик, увидевший ястреба.

— Хорошо! — отозвалась я. И это не было писком.

Подпрыгнув, я подбежала к Люциане, сосредоточившись только на ней и ни на чём другом. Это сделало всё легче.

— Хорошо. Садись.

Я поколебалась, а потом оглянулась.

Во дворе был небольшой сад. Альпинарий с участками, заполненными галькой и тонкими камнями, сложенными друг на друга. Некоторые фигурные камни служили скамейками, которые стояли друг напротив друга. Было почти странно видеть Тёмную Богиню, сидящую на чем-то, что не было троном.

— Мы начнём с более академической стороны вещей. Я хочу, чтобы ты всё поняла, прежде чем попыталась использовать искусство.

Я кивнула. Когда я попросила у Мильпьеса блокнот, большой старый добряк какое-то время бегал вокруг, пока не нашел для меня чистый блокнот. Здесь не было ручек, только длинные узкие палочки древесного угля в металлических трубках с винтом сбоку, чтобы удерживать их на месте. Это работало достаточно хорошо.

— Я готова, — сказала я, кладя блокнот на колени.

Если я притворялась, что ветер исходит из открытого окна, то легко можно было забыть, что свет, льющийся на меня, исходит от солнца, висящего на открытом небе.

Мне, наверное, не стоило волноваться. Люциана была со мной.

— Хмф. Очень хорошо. Не буду утомлять тебя философскими вопросами и выводами. Ты можешь прочитать о них самостоятельно. В основе магии лежит приложение твоей души к определенному действию. С точки зрения непрофессионала, это означает настолько сильное чувство к чему-то, что ты превращаешь эту грубую эмоцию во что-то осязаемое.

Я записала это так быстро, как только могла. Это было трудно, потому что она использовала несколько слов с «й» в них, и было трудно нарисовать сердечки для каждой чёрточки.

— Хорошо, — сказала я, прежде чем перечитать написанное. Это помогло мне понять сказанное намного больше. К счастью, Люциана была очень терпелива со мной. — Означает ли это, что просто нужно хотеть, чтобы что-то произошло, чтобы это произойдёт?

Одна из её бровей поднялась.

— Здесь есть два ответа. По сути, да, тебе нужно только как-то почувствовать, чтобы ты могла использовать магию. Хотеть, желать чего-то — хороший пример для начала. Эмоция, связанная с этим, будет предвкушением. Тебе знакомо это чувство?

Я кивнула. Я очень хотела вернуться в библиотеку, так что это было предвкушением.

— Хорошо. Предвкушение, если ты позволишь ему развиться в твоём ядре, может быть использовано для подпитки некоторой магии. В частности, магия, связанная с землей, камнем и формированием из них структур.

— Так здорово, — сказала я. — Ты можешь использовать такую магию?

Люциана посмотрела на меня, затем подняла руку перед собой. Легким движением её запястья в земле появилась небольшая шишка и подбросила вверх камень, который она поймала в воздухе.

— Большинство тех, кто сосредоточен на изучении самой магии, знают, как использовать каждую эмоцию, используя каждую из них наилучшим образом. Хотя такие люди редкость.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Потому что у людей использование определенного вида эмоций усиливает эту эмоцию. Им становится легче использовать её и ощущать её. Те, кто используют магию огня,

подпитываемую гневом и яростью, часто становятся не более чем зверями. Маги, преуспевающие в искусстве исцеления, должны подпитывать свою работу грустью и горем. Часто эти эмоции переполняют их, и они исчезают или лишают себя жизни.

— Это… это ужасно, — сказала я.

— Магия не ужасна, дитя, у неё просто есть цена. Мало кто не знает об этом или о последствиях использования магии. Ты понимаешь?

Я кивнула, затем посмотрела на свои записи.

— Гм. Печаль исцеляет, Гнев — это огонь, верно?

Люциана издала свой тихий смешок.

— Не совсем. Печаль используется для подпитки магии природы. Часто её называют магией дерева. Гнев и Ярость подпитывают огонь. Радость приносит великие ветры, а Доверие создает свет. Страх так же глубок, как самые глубокие воды, а Удивление — это искра, которая может превратиться в молнию. Как я уже сказала, Предвкушение исходит от земли. А Отвращение — это тёмная стихия.

Я записала это, затем остановилась на последнем.

— Подожди, темная, а ты Темная Богиня?

Она кивнула.

— Да. Отвращение является частью моей области. Хотя, в отличие от любой другой части моих владений, здесь есть бог, который посягает на мой контроль. Бог магии. Его владения пересекаются с моими, хотя и ненамного.

— Ох, ладно. Чем хороша темная магия? — спросила.

— Это магия, основанная на отвращении и омерзении. Как ты думаешь, что бы сделали эти эмоции, если бы им дали силу? — спросила она вместо того, чтобы ответить прямо.

Мне нравились эти моменты. Люциана была очень милой и очень крутой, но она казалась немного одинокой, но когда она начала преподавать вот так, это сделало её счастливее.

— Хм, я не знаю. Думаю, это поможет навредить тому, что вызывает у тебя отвращение?

— Это часть возможностей. Темная магия лучше всего наносит урон одному противнику. К сожалению, темная магия не является наступательной, поскольку любую магию можно поместить в одну из двух коробок.

— Ох? — спросила я. — В таком случае... отвращение к чему-то защищает тебя от этого?

— Само отвращение — нет, но магия — да. Темная магия позволяет тебе избегать внимания окружающих, на которых она воздействует. Это позволяет тебе лучше сопротивляться атакам вещей, которые вызывают у тебя отвращение, и позволяет тебе защитить свой разум от воздействия других магий.

— Звучит важно, — сказала я.

Она кивнула.

— Так и есть. Вся магия имеет и более экстремальные формы. Волшебная искра становится молнией, страшная вода становится ужасающим льдом. Когда Отвращение, которое ты чувствуешь, превращается в Омерзение, ты получаешь магию пустоты. Мощную и опасную, хотя и с ограниченной полезностью.

Я кивнула и сделала ещё несколько заметок. Мне нужно будет всё реорганизовать. Это было много, чтобы осознать всё сразу, и я была почти уверена, что забуду большую часть этого достаточно скоро. Что ж, я была уверена, что использование магии поможет мне вспомнить все её детали.

— Значит, кто-то должен изучать только один вид магии? Я постоянно чувствую кучу вещей, думаю, было бы плохо чувствовать только одну вещь.

— Я полагаю так и есть, — сказала Люциана. — В сбалансированном подходе нет ничего страшного. Это позволяет тем, кто принимает его, жить более комфортной жизнью. Умерь свое Отвращение Доверием, Радость Печалью, Гнев рациональным Страхом, Удивление Предвкушением.

— Круто, — улыбнулась я, отметив это. Я определенно хотела попробовать тёмную магию. Люциана должна была быть лучшей в ней, поэтому я выучу целую кучу. Но и другие типы тоже звучали круто! Злые огненные шары и страшные водные штучки! — Итак, мне просто нужно очень сильно чувствовать что-то сейчас?

— Вряд ли, — сказала Люциана. Она встала, затем лениво вытерла руки друг о друга, чтобы смыть их. — Встань.

Я порылась в блокноте, затем вскочила на ноги и подошла ближе к Люциане. Глядя на неё, обрамленную небом и стенами замка, было совершенно очевидно, что она намного выше меня.

Я поняла, что немного забыла бояться неба. Блестяще!

— Каждый человек может открыть свою душу на всю широту своих эмоций. Это требует работы и усердной учебы. Часы медитации и годы созерцания собственных чувств. Нет никаких сомнений в том, что те, кто открыт своим чувствам, естественно, имеют преимущество.

— В чем преимущество?

— Лучшее, чистое понимание собственных эмоций, — пояснила Люциана. — Возможно, не всего спектра эмоций. Некоторые люди от природы сильно тяготеют к тому или иному. Некоторым суждено грустить, у других гнев в крови, а третьи без причины радуются.

— Ох.

Была ли я такой? Я так не думала. Я была совершенно уравновешенной и разумной девушкой.

— Есть одно преимущество в том, что твоя душа открыта кем-то другим, — сказала Люциана. — Несмотря на сэкономленное время. Ты получаешь, в небольшой степени, часть их собственного понимания. Когда соприкасаются две души, вполне естественно, что что-то от каждой останется в другой.

Она посмотрела на меня, её лицо было почти пустым.

Почти. Там что-то было. Я подумала, что она боится, но это было глупо.

— Ты позволишь мне открыть твою душу, Валерия? Чтобы ты могла полностью раскрыть свой потенциал? Знай, что отказ — это нормально. Это действие сопряжено с небольшим риском, и оно навсегда отметит тебя как кого-то, кого коснулась Богиня Тьмы.

Я улыбнулась ей.

Возможно, кто-то другой не поверил бы ей. Она была женщиной, которая жила одна, в компании только монстров, в большом страшном замке. Она не уклонялась от признания, что не всегда была самым милым человеком… но она всегда была полезной и милой для меня.

— Мне бы это понравилось, — улыбнулась я.

Люциана смотрела, потом отвела глаза. На мгновение мне показалось, что её щеки потемнели, но, должно быть, это был свет, проплывающее облако или что-то в этом роде.

— Очень хорошо, — сказала она.

Она положила руку мне на голову, отбрасывая волосы назад, пока её большой палец не коснулся моего лба. Другая её рука опустилась, а она опустилась на колени. Два пальца коснулись моей груди, прямо на моей грудине, где мое сердце билось громче всего.

Я посмотрела в её глаза, которые вдруг показались такими очень глубокими.

Я смотрела, открыв рот. Моё сердце стучало все громче и громче, пока не остается только шум крови в ушах и барабанный бой сердца. Меня поглощала темнота глаз Люциана.

Моё сердце останавливается.

— Мы — воля мира. Испытывая отвращение к искажению и лжи, мы шагаем вперед к будущему, более тёмному, но созданному нами. Своей волей мы формируем мир. Бесконечная в потенциале и свободная от мимолетной человечности, я освобождаю твою душу и своей рукой дарую тебе свободу.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/75524/2308447